

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Протоиерей Борис
Ничипоров
Моё педагогическое кредо
5 - 12

МОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО

ПРОТОИЕРЕИ БОРИС НИЧИПОРОВ

Одна из последних работ руководителя культурно-образовательного центра «Новая Корчева» протоиерея Бориса Ничипорова

Одними из самых злободневных и актуальных в жизни остаются вопросы православного образования и воспитания детей и подрастающего поколения. Начнём с ошибок. Ошибки всегда — это наш основной капитал, ими не надо пренебрегать. Ещё хуже — замалчивать ошибки, это ещё более вредно. Я горжусь тем, что в «Новой Корчеве» есть капитал наших ошибок, проступков. За некоторые стыдно, за некоторые не стыдно: не потому, что это не ошибки, а потому, что мы не знали, что совершаем ошибки, и по неведению это делали, ибо шли часто в потёмках.

Недавно один богатый человек, который устроил для себя праздник и построил в одной епархии православный пансион, добивался от сотрудников написания таких разработок, чтобы можно было измерить веру человека. (Ведь он же вкладывает деньги и должен знать, во что он вкладывает. А он вкладывает в веру.) Наверное, можно исследовать эффективность самой работы педагогов, как-то фиксировать её. Но как измерить веру? Поэтому мы находимся в каком-то свободном полёте, когда воспитываем наших детей. И не хотим уподобляться комсомольцам, которые очень хотели знать, сколько их. Они же не спрашивали, сколько у них по-настоящему искренних комсомольцев. Они про билеты спрашивали и про взносы (уже в конце комсомольской истории), к сожалению. А веру не измеришь...

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Я скажу предельную вещь об эффективности работы в воскресных школах или каком-то другом православном образовательном учреждении. Мы не должны измерять, пытаться вывести какую-то формулу или знать какую-то статистику: сколько мы воцерковили, сколько у нас, так сказать, выдано на-гора. Мы тогда свободу собственную потеряем. Это Господь знает, и душа вот этого конкретного человека, мальчика или девочки, знает. Если даже этот мальчик и юноша, окончив наше учреждение, получив аттестат (а мы даём аттестат — музыкальный), уйдёт из Церкви, отвернется от Бога на много-много лет, а может, на всю жизнь, а потом придёт последний час, пробьёт колокол (он по нам каждый день звонит, но мы не слышим), вот он ляжет на свою последнюю постель. И вдруг (хорошее слово в русской литературе) он очнётся, как блудный сын. Помните, как в Евангелии написано: «и пришел в себя». И вот он придёт в себя. И вспомнит всё, что было, те благодатные минуты, когда он был в храме ребёнком, будучи в воскресной школе, на Пасхе: Вспомнит слова покаяния, которые он говорил искренне на своей первой (второй, третьей) исповеди. Он вообще как бы вспомнит свою душу, которую потерял за годы суеты, глупости, греховной жизни. И он призовет священника и скажет ему то, что должен был сказать на исповеди много раз, но не сказал... Помните, как было у Пушкина? Когда священник выходил после исповеди Пушкина, он сказал тихо, с очень большой паузой: «Нам бы так всем каяться!»

Плановость православного хозяйства, с одной стороны, должна быть. Но в чём? В нашей социальной работе, в нашем материальном обеспечении,

в готовности педагогов, в искренности, в создании атмосферы радости. Если её нет, мы плачем и болеем. Когда мы думаем об основной эмоциональной атмосфере нашей школы (центра «Новая Корчева»), — это прежде всего школа радости. Вовсе не значит, что там не должно быть наказания, послушания, порядка, но тем не менее это должна быть, конечно, школа радости. Но что касается прогноза и веры человека — это как Бог даст. Здесь — таинственный диалог человека и Бога.

Ещё очень важная вещь, которую я бы хотел отметить. Нам никогда не должно изменять миссионерское чувство. Мы не должны успокаиваться и радоваться, что мы создали маленький островок, где учится небольшое количество детей. Сегодня у нас много таких учреждений. Ну, скажем, создали воскресную школу — пятнадцать, двадцать, восемьдесят человек — и умиляемся, пишем об этом в газетах, бьём себя в грудь, какие мы молодцы. А рядом обычные школы — тверские, калужские, конаковские, где учатся тысячи детей. И там ровным счётом ничего не происходит, по крайней мере, хорошего — духовного, высокого и нравственного. Есть, конечно, какие-то традиции в школе, не хочу ругать все школы, оставим это. Но все школы — это школы, где мат идёт впереди, где нет чувства русской культуры, много чего вообще нет, что бы хотелось иметь.

Недавно была передача из одной епархии, где говорилось: «Как здорово, мы создали эту школу. Там высокий забор. Дети не знают ничего, что происходит в мире, у нас нет телевизора. А и зачем им знать, что происходит в этом ужасном мире? Мы их ограждаем от мира». Я хочу задать этим горе-педагогам, абсолютно неквали-

6

ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС НИЧИПОРОВ
МОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО

фицированным людям вопрос: «А вы потом детей в мир-то выпустите? Или вы их так и затворите где-нибудь?» Нет. Они собираются их в мир выпускать. Но дети не знают мира. Как они будут подготовлены к выходу в мир? Есть одно научное слово — «дезадаптация». Это и есть педагогика социальной дезадаптации ребёнка.

Про мир хорошего мы сказать ничего не можем. Про него Христос уже всё сказал, Иоанн Богослов об этом сказал, онтологическое качество мира известно: мир лежит во зле. Поэтому греховность мира известна — это фарисейство всех и вся, кто живёт в мире, это пороки, которыми мир пронизан. Но давайте зададим себе вопрос: каков вектор нашего воспитания? Упрятать ребёнка от мира или подготовить к нему? Нам не должно изменять чувство реальности! Или мы совсем уже поражены псевдоправославными фантомами? Этот ребёнок, когда он вырастет, будет воспитывать детей, будет учиться в университете, будет общаться со студентами. А как он будет там жить? Изгоем?! Некоторые московские школы кичатся тем, что дети не читают Ахматову, Пушкина. Это слёзы грусти и непонимания, это хуже, чем преступление: мы до революции делали ошибки — и сейчас то же самое делаем.

Огромная нынешняя ошибка — непонимание значения и места мальчика в структуре воскресной школы. Недавно в одном городе мы видели такой хор. Стоят два мальчика, которых загнали туда верующие родители. Они выше девочек ростом, но их поставили вместе (девочек десять человек). Мальчики, бедненькие, согнулись, они стесняются, чувствуют себя не в своей тарелке. Это совершенно неправильно: мы должны создавать

мальчишье братство отдельно, а девичье — отдельно. Об этом говорит 15-летний опыт «Новой Корчевы». Как только мы делаем смешанные хоры, мальчики феминизируются.

У нас есть два пути (об этом, кстати, очень выразительно говорил владыка Кирилл на образовательных чтениях). Первый — создать православное гетто. Оно будет очень малочисленно. Мы не сможем решать миссионерские задачи и будем помышлять оторвать ребёнка от мира. Нужно ли это делать?! Либо мы создаём совершенно иную, более сложную организацию, более сложную структуру, которая позволит, с одной стороны, ребёнку жить в мире и понимать, где он живёт. Иногда купаться в нечистотах мира и принять на себя с малых лет скорбь и несправедливость этого мира. С другой стороны, он увидит красоту Церкви, красоту духовности, мира Божьего, благодати и молитвы. Будет видеть и недостатки Церкви — они есть в любом земном организме. Этот способ воспитания более сложный, но иначе проблемы воспитания не решить.

Возьмём пример из жизни хорошего коллектива, который существует в рамках православной духовной школы. Если мы не выстроим нормальную репертуарную деятельность хора, то у детей не будет формироваться музыкальный вкус:

Первый пласт нашего репертуара — это всегда духовная православная музыка. Я считаю, что католическую музыку мы петь не должны. Не потому, что она плохая. У нас достаточно своей собственной музыки — великолепной и великой. Кроме того, у нас задачи и богослужебные: приготовить хоры, чтобы они пели и в Великий пост, и на Пасху (под-

7

Концепции
и системы
[13 - 30]

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

готовка занимает практически весь учебный год).

Второй наш пласт — народная песня. И не надо даже заниматься воспитанием. Сама народная песня, если дети будут её проникновенно петь, учит... Это сама психология народа, сама жизнь народа: там и предательство, и великая любовь, и смерть, и военные подвиги — всё.

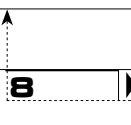
Мы были с концертами в Чехии, в каком-то небольшом городе. Чувствовалось, что город был не очень подготовлен к нашему приезду. Просто сняли с уроков детей местной школы, привели их в зал, посадили. Им это было совершенно «до потолка», но они должны были вести себя деликатно по отношению к русским (а в Чехии американские настроения). Ещё был зал плох: между сценой и самими рядами было недопустимо большое пространство. Я переживал, думал, что будет срыв. Они сели, ноги вытянули, с наушниками — приготовились не слушать русский хор. И вот начался концерт. Вначале была очень тягостная атмосфера. Так, похлопали чуть-чуть, для порядка. Было видно абсолютное равнодушие. Потом мы начали петь заливчатские казачьи, ритмичные, очень простые, известные нам песни. Они начали притопывать — в ритм. Потом встали и подошли прямо к сцене. И началось братание. Кончилось всё великолепно.

Третья позиция — лирические песни. Да, эстрадные! У нас, конечно, на эстраде столько шелухи, грязи! Но можно извлекать оттуда что-то приличное, может быть, с ретро-акцентом. Когда мы выстраиваем свой репертуар так, что всегда соблюдаем вкус, тогда девочка или мальчик и в обыденной жизни, например, прибираясь по дому, будет напевать что-то из этого репер-

туара — народную песню, военную. Тогда не останется места для heavy metal, для пошлости. Тогда и будет формироваться чувство русскости, вовлечения в нашу родную культуру.

Скажу ещё одну важную вещь по поводу воспитания. У отца Павла Флоренского в «Иконостасе» есть слова, которые меня потрясли: «Нравственность чужда морали». Это слова, которые нам всем надо запомнить. Забивать гвозди в голову ребёнка и говорить ему всё время «матом ругаться не надо», «ты плохой, надо быть хорошим, честным» и т.д. — это не воспитание. Дело в том, что мы никак не поймём саму душу, её устройство. А она такова, что она сама уже всё знает. Ну какой же ребёнок не знает с шести лет, что матом ругаться плохо? Душа его это знает. И мы никогда не говорим в своём центре «Новая Корчева», что не надо ругаться матом. Но дети наши каются на исповеди, говорят с тоской и печалью, что вот, худое слово вылетело.

Всё знает душа. Поэтому воспитание состоит не в начитывании морали, а в совершенно ином. Это совместная работа с ребёнком, совместная деятельность с ним. Либо это хоровое пение, либо ремёсла, как у нас в центре. Это совместный путь, который мы проходим с детьми. Например, я еду с ними в автобусе, и мы разговариваем о чём-то. Мы разговариваем, бывает, ни о чём. Валяем дурака иногда, просто болтаем о жизни. И какой уж я есть со всеми потрохами, плохой я или хороший, я не обману ребёнка. Я не могу быть лучше, чем я есть, даже если буду говорить самыми красивыми словами. Поэтому нет методов воспитания как таковых. Я в это никогда не поверю, хотя мы можем сдавать сколько угодно отчётов по поводу

ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС (НИЧИПОРОВ)
МОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО

воспитательных систем. Может быть содержание воспитания, но само воспитание — это совместное проживание части жизни с ребёнком. Какой ты будешь, такими будут и дети.

Итак, воспитание — это совместное проживание, а не забивание в голову ребёнка каких-то правильных фраз и правильных формул. Очень хорошо говорил один старец: «Нынче учить не надо. Все учёные. Надо показывать». Это и есть основная формула моего педагогического опыта. Не надо учить. Надо показывать своей собственной жизнью. А это самое трудное дело, потому что ты каждый раз видишь свою собственную несостоятельность. И чего показывать-то? Не-че-го!

Я часто привожу в пример такую историю. Жили два брата. Оба они возгорелись любовью ко Господу и оставили всё своё имение в Константинополе, уйдя в пустыню. Поначалу дело шло очень хорошо. Они духовно возрастали, совершая подвиги поста, молитвы, воздержания, чтения святоотеческой литературы. Но вот вдруг свершилась неприятность. Один из братьев решил бросить благочестивую жизнь, его постигло великое искушение. Он сказал: «Всё, я так больше не могу. Я возвращаюсь в город». Сначала старший брат пытался его уговаривать, но вскоре увидел, что это бессмысленно. Что же он (сохранивший благочестие, первоначальную интенцию и призыв Господа, желание дальше подвизаться и т.д.) делает? Он возвращается в город вместе с братом. Что делает младший брат? Видимо, монашеская жизнь его утомила, и он пошёл по притонам, которых в Византии, кстати говоря, было много. Вот он переходит из притона в притон. А его брат ничего ему не говорит, не учит, даже с укором на него не смотрит,

у него и внутреннего укора-то нет, нет и стыда, потому что он всё принимает так, как есть. (Он, может быть, ночью плачет, но никто этого не видит.) И в этой своей доброжелательности и принятии (правда, в притоны он не ходил) старший никак не изменил брату. Потом вдруг (!) младший брат очнулся и сказал: «Что я делаю?! Пойдём обратно!» Брат ответил: «Пойдём!» И они пошли... Вот в этой кажущейся простоте — великая мудрость... Ведь очень хочется настаивать, поругать, устроить выволочку... А тут старший брат даёт младшему пройти свой путь — и правильно делает. Потому что — опять же — душа всё знает! В этом — и сам путь педагога-воспитателя, это путь в терпении. В каком-то приятии человека, изначальном прощении, когда понимаешь, что сам-то ты... И надо вести себя, как тот брат: молиться, плакать и быть вместе. Это не значит, что нужно ходить, смиренно опустив голову. Это псевдо-православное фарисейство, я очень не люблю этого.

Критерием, индикатором успешности самого учреждения дополнительного образования является наличие мальчиков. Если их там три человека на 10–15 девочек — это очень плохо. И знаете, что мы породили сейчас? Отрицательный опыт нашей светской культуры и Церкви — это девчачьи концерты. Девочки поют, они же пляшут, они же декламируют... Они же надевают штаны, чтобы танцевать какой-то матросский танец, потому что матросов нету: Нет матросов! А если нет матросов, братьев, мужиков — нет России, ничего нет.

Если вы думаете, что я пытаюсь как-то унижить женский пол, — это полная глупость. Я не об этом говорю. Три мальчика — отдели их от дево-

9

Концепции
и системы
[13 - 30]

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

чек! Пусть будет маленький ансамбль. Кроме того, вы же знаете, когда среди десяти девочек появляются два мальчика, возникает так называемое сексуальное поведение, которое не способствует хорошей работе, эффективности самой образовательной деятельности. (И были ведь раньше отдельные школы для мальчиков и для девочек.) Это вовсе не значит, что наши девочки не влюбляются в наших мальчиков. И наши кадеты влюбляются в наших девочек. Они общаются, у них есть общие вечера, они вместе ездят в одном автобусе на выступления и т.д.

Ещё один важный момент, на котором я хотел бы отдельно остановиться. Есть информационная сторона нашего воспитания — и есть сердечная. Один архиерей говорил: «Важно ли знать для юного существа, в каком путешествии, во втором или третьем, апостол Павел был в городе Лидде?» Я думаю, что это не важно, я и сам не помню, если не перечитаю... Но этот протестантский дух следования букве приходит и в наши православные образовательные учреждения. Нет, я вовсе не против, чтобы ребёнок читал Библию, знал какие-то вещи. Но давайте главное обсудим.

Главное — переживание сердцем Бога. Приведу пример, о котором говорил протоиерей Сергей Булгаков. Будучи сыном священника, он отрёкся от Церкви, от Бога, от Христа, стал марксистом и долгое время был им, читал лекции. И потом был очень тяжёлый кризис возвращения к Церкви. Он стал протоиереем, написал много хороших книг. И он рассказывает в одной из них, как вернулся к вере, по какой тропинке, через какое переживание детства: «Как-то я вышел после Рождества: Уже светает, но небо ещё тёмное, звёзды: И полное

соединение с небом, полная гармония со Вселенной, со Христом, и абсолютно полное переживание благодати, радости и истины». Это переживание и вернуло его к вере. Не знание, а сердечное переживание.

Не нужно преувеличивать значения информационного блока знаний о православии. Есть «Символ веры», и если ребёнок, который окончит обучение в нашем учреждении, будет знать, что Христос пришёл «нашего ради спасения», претерпел Крест и муки, воскрес из мёртвых и мы ожидаем Его пришествия во второй раз, этого будет вполне достаточно. Опыт воцерковления — не книжный опыт.

Подытожим разговор. Ребёнок поступает к нам учиться в пять-семь лет. Потом он выходит в мир. Это неизбежно. Какой опыт должен иметь ребёнок, который окончил обучение в «Новой Корчеве»?

Для меня вот что главное. Конечно, Церковь — это братство. Когда мы говорим о наркомании, о пороках улицы, которые сегодня есть, мы всё время упускаем из виду одну важную вещь: причина всего этого — одиночество души. Душа ищет единения, братского общения — и не получает. Она находит его псевдовариант в виде компашек, но братского общения в онтологическом смысле — того, что Церковь называет соборностью, литургическим опытом (слово «литургия» переводится с греческого как «общественное служение»), она не находит.

Я бы так обозначил это опытное переживание братства: «Мне было хорошо вместе со всеми». Потом, может быть, мне будет плохо вместе со всеми, одиноко. Но у меня в прошлом есть этот опыт, такое бывает, и со мной это было, и я это сам пере-

ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС (НИЧИПОРОВ)
МОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО

живал. Этот опыт соединяется ещё и с другим опытом — с переживанием праздника. Вовлечение ребёнка в праздничную стихию, в пасхальную стихию, переживание личной Пасхи как подлинного праздника души и сердца, праздника вместе со всеми — вот эти два момента являются основополагающими результатами, если наша педагогическая практика положительная и подлинная.

«Радость моя, Христос воскрес!» — вот эти слова должны звучать в сердце ребёнка, когда он выйдет в мир. И это опыт не сентиментальный, это опыт внутренний, опыт большой проделанной работы, трудов ребёнка.

А какой опыт будет противоположным? Совершенно иной: «Я один и никому не нужен в этом враждебном мире». Вот если такой опыт выносит человек из школы, из любого учреждения, в том числе и православного, это наша потеря, поражение, неуспех, наша непрофессиональность. Этот опыт — вместо радости праздника:

Кстати, когда мы говорим о праздничной стихии, мы не отрицаем покаяния. Опыт праздника не отрицает труда — серьёзного, тяжёлого. Опыт такого труда, скажем, у хоровика есть. Хочу сказать несколько слов по поводу хоровиков-девочек. Как правило, хоровики-девочки, если они прошли школу православного хора, будут прекрасными жёнами, потому что они поняли, что такое труд. Наши хоровички, которые проехали всю Европу и по двое суток были на колёсах, приобрели большой опыт терпения. У нас были случаи, когда мы давали по три концерта в день. И представьте, если девочке-хоровичке в таких поездках постоянно говорят: «Переодевайся, одевайся, надевай костюм, иди туда, иди сюда» — это солдатчина,

это большой труд. Таким девушкам не страшны никакие трудности. И они хорошо знают русскую культуру, знают изнутри. Они пропели столько русских песен!

И последнее. Одно из главных мистических понятий не только православной культуры, но и вообще любой духовной культуры — понятие пути. Путь — одно из самых кардинальных понятий. Пушкин говорил о разворачивании. Как семя брошено. В нём уже все коды, весь проект — всё есть. Но надо, чтобы семя взросло, появилось дерево. Дерево может вырасти больным, если его будут ветры сшибать... Надо, чтобы разворачивание получилось подлинное. И путь у каждого человека — это только его путь. Я говорю о вхождении в свою уникальность, о вчувствовании: мне дан Господом мой путь, и я пойду этим путём.

Путь постигается через талант, это ещё одно из кардинальных понятий. Евангельская притча о талантах недаром дана. Каждому дарован уникальный талант: можно быть очень талантливой уборщицей, невероятно одарённым дворником, но можно быть совершенно никаким поэтом. Так вот, вхождение в свою уникальность в сочетании с опытом братского единения, с переживанием праздника рождает личность и её уникальный путь.

И противоположный вариант «развития» личности обозначим. Как плохо, когда человек говорит: «Я один и никому не нужен в этом враждебном мире». Потом он говорит: «Что жизнь? Зачем я пришёл в эту жизнь? Это опыт унылой серости, безвидности моего бытия». А потом ещё добавляет: «Я чудной и ненормальный, и не такой, как все». Об этом Пушкин писал в 1829 году, в период депрессии и тяжелейшего кризиса: «Дар напрас-

11

Концепции
и системы
[13 - 30]

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

ный, дар случайный,/ Жизнь, зачем ты мне дана?» На эту пушкинскую тоску, на этот стон тогда ответил святитель Филарет: «Не напрасно, не случайно/ Жизнь от Бога мне дана,/ Не без воли Бога тайной/ И на казнь осуждена.»

Как спроектировать сочетание личности и Бога? А нельзя это сделать! Как быть педагогу, который поставлен в очень ответственную и сложную ситуацию перед молодыми душами? Педагог сам должен иметь это всё. Если не имеет (а мы в полно-

те, конечно, не имеем, бывает, и падаем), тогда горькие слёзы нужны. И много слёз покаянных, невидимых. Но невероятная радость на сердце, когда приходишь и дети бегут к тебе, обнимают — и ты им рад. Это не только профессия, но и служение и большая радость.

Источник:

<http://www.tvved.nm.ru/04-2/d11.htm>

Тверские ведомости, № 2 (9–15 января 2004 г.)